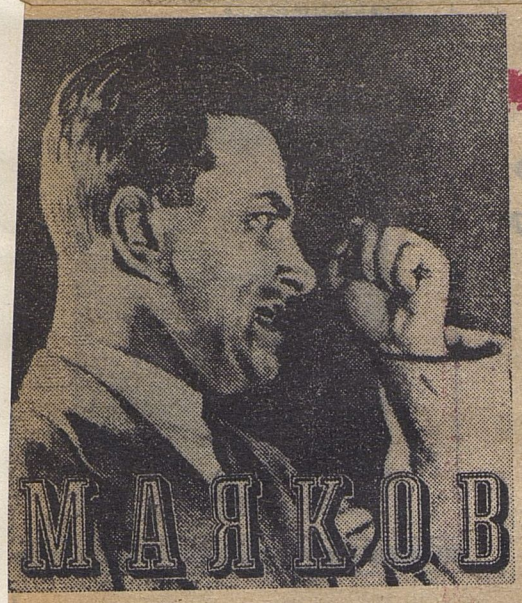
К 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского



СЛОВО О МАЯКОВСКОМ

Николай ДОРИЗО

КОГДА я вглядываюсь в черты могучего лица поэта, возвышающегося над площадью его имени, мне почему-то кажется, что это не только памятник одному Маяковскому, а памятник всей нашей советской поэзии.

Дело не только в неповторимом внешнем облике агитатора, горлана, главаря, удивительно соответствующем, как мне кажется, облику тех давних революционных лет, дело в поэзии Маяковского, которая настолько ярко воплотила в себе все лучшее, что было и есть в нашей советской поэзии, что с полным правом можно назвать поэта зачинателем этой поэзии, ее отцом.

Маяковский для нас больше, чем поэт, он — нерушимый принцип, наша идейная сплоченность, наша присяга партии и народу.

Отойти от поэзии Маяковского — это значит для нас, поэтов, нарушить основу основ, изменить тому, на чем стоит наша поэзия.

Одни стихи Маяковского могут быть тебе ближе, другие — дальше от тебя, одни строки могут казаться тебе совершеннее поэтически, к другим строкам ты можешь быть спокойнее, но позиция Маяковского, его отношение к поэзии, к народу, к партии должны быть для нас неизменны и святы.

Если вдуматься, какой же удивительный подвиг совершил этот человек, давший Революции и народу именно ту единственную поэзию, которая была необходима в те легендарные дни!

Буквально перед самой революцией поэзия разговаривала тихим салонным языком, была по-декадентски изнеженной, сладкозвучной.

Могли ли революционные улицы и площади, где закипела яростная, оглушительно громкая боевая жизнь, разговаривать языком такой никак не соответствующей набатному времени поэзии? Конечно же, нет!

А народ всегда, особенно в такое время грандиозных потрясений, не может жить без поэзии, улица — не может корчиться безъязыкой. Была нужна поэзия, как воздух — легким. Поэзия совершенно новая и тематически, и интонационно. Нужна сразу, в эту же историческую минуту.

И Революция, народ находят своего поэта, рожденного этой новой эпохой. Поэта, который, проходя по строчечному фронту, совершенно меняет тональность стихосложения, бросает в битвы войска своих стихов, оснащенные мощными, глобальными образами под стать тем боевым дням.

Все у него ново. Все ошеломляюще. Все колоссально! Конечно, Маяковский был не одинок. Рядом был гениальный Блок с его поэмой «Двенадцать», по-народному великий Есенин, начинались первые дни молодой комсомольской поэзии...

Но размах революционного мгновения, дух Революции, уклад новой жизни всем своим характером, всей своей ритмикой наиболее полно выразил именно Маяковский.

Поэтому памятник ему есть для меня памятник всей советской поэзии. У этого памятника поэты, как солдаты, должны присягать ее высоким идеалам.

Помню, как в пятидесятые годы на страницах нашей печати шла долгая и острая дискуссия. Среди ее участников были такие, которые утверждали, что есть какая-то особая школа Маяковского, выделяли отдельных поэтов, интонационно писавших «под Маяковского», всячески поощряли их, хотя подражательство даже самому великому все-таки остается не больше, чем подражательством. Они противопоставляли таких поэтов всей нашей поэзии.

Прошли годы, и стало очевидным, что время вмешалось в эту дискуссию как главный оппонент. Время показало, что Маяковский принадлежит всей нашей поэзии.

Да, Маяковский неповторим, как неповторимы те красногвардейские дни революционных схваток.

Но Революция продолжается. Сегодня у нее новые заботы, новые страсти, новые враги. Сегодня у нее новое сердцебиение.

Революция продолжается. Значит, продолжается и Маяковский.

Будучи молодым стихотворцем, я не раз задумывался над местом поэта в рабочем строю и написал стихи, которые мне довелось прочитать на торжественном вечере в Колонном зале в юбилейные дни шестидесятилетия Владимира Владимировича Маяковского.

Сегодня, в дни его всенародного девяностолетия, мне захотелось их повторить:

В тишине уснувшего вагона
У меня спросил старик сосед:
— Кто вы по профессии?
— Смущенно
Я молчал —
признаться или нет?
Мне казалось,
назовусь поэтом,
Будто славой щегольну чужой,
Ни по книгам
и ни по газетам
Вдруг меня не знает спутник мой.
— Ваша как фамилия? —
он сразу
Спросит оживленно,
а потом:
— Как?
Признаться, не встречал ни разу,
С прозой как-то больше я знаком!..
В этот вечер
(да простит мне муза
Ложь необходимую сию)
Я назвал себя
студентом вуза,
Грустно скрыв профессию свою.
Скрыл —
и зубы стиснул от обиды,
Подмывало дать другой ответ, —
Я ведь не сказал бы
«знаменитый»,
Я б ответил скромно:
— Я поэт, —
Это не трудов моих оценка —
Ведь сосед не скрыл,
что агроном,
Хоть с его я славой не знаком.
Агроном,
а тоже не Лысенко.
На вагонной полке
плохо спится,
Долго говорили мы впотьмах:
Я,
робея,
о сортах пшеницы,
Он
о Маяковском,
о стихах.
Моего любимого поэта
Наизусть
всю ночь он мне читал,
Волновался,
требовал похвал,
Будто
сам он
сочинил все это...
Мы с ним вышли на перрон
московский,
Долго я глядел соседу вслед.
Мне бы так писать,
как Маяковский,
Чтоб ответить скромно:
— Я поэт!

В доме поэта

Полгода назад в Государственном музее В. В. Маяковского был создан библиофильский клуб «Друзья книги». За это время состоялось немало интересных заседаний. На них выступали поэты и литературоведы Е. Осетров, В. Лазарев, М. Матусовский, А. Пьянов и другие.

В преддверии 90-летия со дня рождения В. В. Маяковского о встречах с поэтом рассказывали в клубе доктор искусствоведения, писатель А. Февральский, старейший конферансье и режиссер А. Алексеев. Заслуженный мастер спорта СССР В. Маслаченко передал в дар музею найденный им редкий сборник со стихами Маяковского, вышедший в Харькове в 1926 году.

Заключительный в нынешнем сезоне вечер был целиком посвящен юбилею поэта. Герой Социалистического Труда, народный артист СССР С. Юткевич рассказал о работе Маяковского в кинематографе. Поэты Я. Шведов, М. Лисянский и П. Железнов читали свои стихи, посвященные Владимиру Владимировичу. О миниатюрных изданиях стихов Маяковского, первым из которых была книжка-малютка «Избранные произведения», вышедшая тиражом 20 тысяч экземпляров в Красноярском издательстве в 1937 году, рассказал председатель правления Московского клуба любителей миниатюрных книг П. Почтовик. О редких прижизненных книгах поэта вела речь директор музея С. Стрижнева.

В заключение юбилейного вечера прозвучали стихи Маяковского в исполнении артиста Москонцерта заслуженного артиста РСФСР П. Шальнова.

Валентин ЛАВРОВ,
председатель клуба
«Друзья книги»
Государственного музея
В. В. Маяковского

Певцу революции

В городе Свердловске прошли Дни поэзии, посвященные 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского.

В дни праздника в гостях у свердловчан побывала делегация литераторов под руководством секретаря правления СП РСФСР Н. Доризо. Большой поэтический вечер состоялся на прославленном орденоносном Уральском заводе тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе, который в эти дни отмечает свой полувековой юбилей. Писатели Н. Доризо (Москва), В. Жуков (Иваново), О. Поскребышев (Ижевск), В. Суслов (Ленинград), свердловчане Л. Сорокин и Н. Никонов побывали также на других предприятиях Свердловска, в пионерских лагерях, у шахтеров города Дегтярска. На литературных вечерах и митингах они говорили о традициях В. Маяковского в творчестве советских писателей, о своем отношении к его поэзии, читали стихи Маяковского, строки, посвященные ему.

Литературный праздник завершился большим поэтическим вечером.

Наш корр.
СВЕРДЛОВСК

В. В. Маяковский и советская поэзия

В Московском Государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина состоялось координационное совещание «В. В. Маяковский и советская поэзия (творческие связи, традиции и новаторство)», на которое собрались литературоведы из многих республик, областей, городов страны.

На пленарных заседаниях совещания выступили доктора филологических наук В. Раков, А. Карпов, А. Субботин, Б. Гончаров, А. Лазарев, Л. Финк.

Участники совещания заслушали более 60 докладов, посвященных гражданственности поэзии Маяковского, ее новаторскому характеру, влиянию произведений великого пролетарского поэта на развитие советской литературы.

Л. ЗАМАНСКИЙ

Петр НЕФЕДОВ

Как живой с живыми...

Слушайте,
товарищи потомки...
В. МАЯКОВСКИЙ

Кто-то сегодня скажет:
— Ему девяносто лет —.
И просто не верится даже,
Что так еще молод поэт.

С живыми, как говорится,
Он, кажется, был всегда...
Разве есть у Вселенной
границы?
Разве вечность — это года?

Еще на заре, на рассвете
Человеческого бытия
Грядущие тысячелетья
Он сердцем вобрал в себя.

Полководцем он был
и солдатом,
Но больше трибуном был.
И раем прошел он, и адом
И людям об этом трубил.

А когда Революции громы
Старый мир до основ потрясли,
Голос его огромный
Стал рупором новой Земли.

С тех пор он гремит повсюду,
И сколько б ни минуло лет,
По-прежнему слушать будут
Тебя, коммунизма поэт.